

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

DOI: 10.31696/S086919080036618-6

ВОССОЗДАВАЯ ЗАБЫТЫЙ РУБЕЖ: ЛИНИЯ МАКМАГОНА
В БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ИНДИИ В 1930–1940-е ГОДЫ

© 2025

М.Д. САВИЩЕВА ^а^а – ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия;

ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова Москва, Россия

ORCID: 0009-0004-3759-1534; m.savishcheva@imemo.ru

Резюме: Статья посвящена представлениям об индийско-тибетской границе 1914 г., ныне известной как линия Макмагона, в британской риторике 1930–1940-х гг. В качестве методологической основы выбран подход, сочетающий инструментарий критической гео-политики, исторической социологии международных отношений и теории элит, который позволяет проанализировать генезис и эволюцию позиции колониальных элит по вопросу пограничного размежевания на индийском Северо-Востоке.

Несмотря на сохраняющуюся проблему признания легитимности договорённостей на конференции в Симле 1913–1914 гг., по мнению автора, рассмотрение территориального разграничения между Тибетом и Британской Индией не следует ограничивать узкими хронологическими рамками 1904–1914 гг. Независимая Индия получила в наследство проблему северо-восточной границы в несколько видоизменённом виде, нежели предполагали британо-тибетские договорённости в Симле: линия Макмагона была переоткрыта новым поколением колониальной администрации в середине 1930-х гг. и стала рассматриваться как официальная граница лишь в последнее десятилетие британского правления в Индии.

В политической риторике колониальных элит 1930–1940-х гг. проблема индийско-тибетской границы 1914 г., замыкающей пространство индийского северо-восточного фронта, увязывалась как с определением статуса Тибета и его территориальных пределов, так и со стремлением заблаговременно консолидировать регион под британским контролем на случай потенциального конфликта с Китаем после окончания Второй мировой войны. Такое восприятие линии Макмагона предопределило выработку дифференцированного подхода к утверждению колониальной власти на разных участках пограничья: если на востоке пограничного участка Садия британцы проявили непреклонность, то в случае с западными районами пограничного участка Балипара действовали менее решительно.

Несмотря на попытки создать систему опорных аванпостов и поставить под контроль отдельные районы вдоль индийско-тибетской границы в 1930–1940-х гг., к 1945 г. выстроить единый и непрерывный рубеж «на земле» так и не удалось.

Ключевые слова: Индия, Китай, линия Макмагона, Тибет, фронтир, Северо-Восток Индии, Симлская конференция, пограничная политика

Для цитирования: Савищева М.Д. Воссоздавая забытый рубеж: линия Макмагона в британской политике в Индии в 1930–1940-е годы. *Восток (Oriens)*. 2025. № 6. С. 61–72. DOI: 10.31696/S086919080036618-6

RECONSTRUCTING THE FORGOTTEN BORDER: THE MACMAHON LINE
IN BRITISH POLICY IN INDIA IN THE 1930s AND 1940s

© 2025

Mariia D. SAVISHCHEVA ^a

^a – Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO)
RAS, Moscow, Russia;
Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0004-3759-1534; m.savishcheva@imemo.ru

Abstract: *The article deals with the representations of the India-Tibet border of 1914, known as the McMahon Line, in the British rhetoric of the 1930–1940s. The theoretical basis combines the principle of historicism with the approaches elaborated by critical geopolitics, historical sociology of international relations, and elite theory, which allows us to analyze the genesis and evolution of colonial elites' stance on delimitating India's Northeast.*

From the author's perspective, examining the India-Tibet border delineation should not be confined to the narrow chronological scope of 1904–1914. Independent India inherited the problem of the Northeastern frontier in a form modified from that originally envisioned in the Simla arrangements, with the McMahon Line being rediscovered by a new generation of colonial officers in the mid-1930s and regarded as the official border afterwards.

In the political rhetoric of the colonial elites of the 1930s and 1940s, the issue of the India-Tibet border was aligned with determining the status of Tibet and its territorial limits, as well as the desire to consolidate the region under the British control in case of a potential conflict with China following World War II. That predetermined a differentiated approach to establishing control over different parts of the frontier. While British representatives were adamant about territories in the eastern Sadiya area, they were less assertive in Balipara.

Regardless of the attempts to plant a system of outposts along the India–Tibet border in the 1930s and 1940s, a unified and continuous frontier “on the ground” was yet to be shaped by 1945.

Keywords: India, China, McMahon Line, Tibet, frontier, Northeast India, Simla Conference, border policy

For citation: Savishcheva M.D. Reconstructing the Forgotten Border: The McMahon Line in the British Policy in India in the 1930s and 1940s. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 6. Pp. 61–72. DOI: 10.31696/S086919080036618-6

Среди предпосылок индийско-китайской войны 1959–1962 гг. принято упоминать неоднозначный статус линии Макмагона – границы между Британской Индией и Тибетом, названной по фамилии британского полномочного представителя на Симлской конференции 1913–1914 гг. Артура Генри Макмагона. Хотя современные Индия и Китай придерживаются противоположных взглядов на легитимность этой границы, официальные позиции двух стран объединяет одно: в их политических и исследовательских кругах территориальное разграничение между Тибетом и Британской Индией традиционно рассматривается в узких хронологических рамках 1904–1914 гг.¹ Между тем освободившаяся от британских оков в 1947 г. Индия получила в наследство проблему северо-восточной границы в несколько видоизменённом виде, нежели изначально предполагали британо-тибетские договорённо-

¹ Схожими проблемами также занимались многие отечественные исследователи. Подробнее см.: [Берлин, 1926; Леонтьев, 1956; Решетов, 1976; Богословский, Москалев, 1984; Кузьмин, 2010].

сти в Симле: южный участок красной линии, обозначенной рукой Макмагона на картах в 1914 г., стал рассматриваться как официальная граница лишь в последние годы британского колониального правления.

Настоящая статья посвящена анализу представлений об индийско-тибетской границе 1914 г. в британской риторике 1930–1940-х гг.; выделяются причины забвения договорённостей 1914 г. в 1920-е годы и факторы, определявшие курс колониальной администрации на установление эффективного контроля над территорией от Ассамской равнины до линии Макмагона во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг., прослеживается дифференциация в подходах британских служащих к пространству пограничных участков Балипары и Садии.

В статье использована комплексная методология, сочетающая различные подходы к пограничному пространству, его восприятию и производству в критической геополитике, исторической социологии международных отношений и теории элит. Последняя позволяет сосредоточить внимание на представлениях о конфигурации северо-восточной границы в конкретной прослойке общества колониальной Индии – многосоставной среде британской администрации.

В сочетании с теорией элит историческая социология международных отношений, разработанная в трудах С. Хобдена [Hobden, 1998], Дж. Хобсона [*Historical Sociology*, 2002], Б. Бузана [Buzan, 2015], даёт возможность проанализировать, какое влияние на восприятие британскими элитами итогов Симлской конференции 1913–1914 гг. оказал исторический контекст 1930–1940-х гг., и проследить эволюцию взглядов представителей разных уровней британской администрации на линию Макмагона.

Наконец, критическая геополитика, чей инструментарий был разработан Дж. О’Туалом [O’Thutail, 1996] и может быть дополнен трактовкой пространства как продукта социальных отношений, выдвинутой А. Лефевром [Lefebvre, 1991], концепцией критических границ, выходящих за пределы государственных, К. Боулдинга [Boulding, 1963], а также особенностями фронтирных пространств, выделенными Дж. Прескоттом [Prescott, 1987] и М. Андерсоном [Anderson, 1996], призвана помочь деконструировать геополитические представления британцев о пределах колониальных владений на северо-востоке Индии и проекцию этих представлений на установление контроля над пограничьем «на земле» в 1930–1940-е годы.

ЗАБЫТОЕ НАСЛЕДИЕ СИМЛСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Хотя делимитация пограничной линии между Тибетом и Британской Индией состоялась в 1914 г., её южный участок оказался забыт на два десятилетия. К 1930-м годам местность от подножий холмов у Ассамской равнины, или внутренней линии 1873 г.², до индийско-тибетской границы лишь номинально находилась под британским контролем. Как несколько десятилетий спустя отметил Олаф Кэроу, занимавшийся вопросами Балипары и Садии по долгу службы в правительстве Индии в 1935–1945 гг., «эти территории были племенными, полуавтономными районами на границе Ассама, очень похожими на племенной пояс ... на северо-западном фронтире [Индии]...» [Caroe, 1963, p. 72–73].

² Внутренняя линия (Inner Line) – это административная граница, введённая Положением о северо-восточном фронтире Бенгалии с 1 ноября 1873 г. и отделявшая управляемую территорию Ассамской равнины до подножий холмов от неподконтрольных колониальной власти горных районов. Британским подданным запрещалось выходить за её пределы без получения специального разрешения и приобретать земли или продукцию с земель за пределами внутренней линии. Подробнее см.: [Mackenzie, 1884, p. 55–57].

С административной точки зрения с 1919 г. они представляли собой особое образование – Северо-восточные фронтирные тракты (the North-East Frontier Tracts) – в составе пограничных участков Балипары и Садии. По Закону об управлении 1919 г. эти тракты получили статус «отсталых» (backward tracts): на их территории в полной мере не распространялось действие решений колониальной администрации [Government of India Act, 1919, Section 15], но в то же время британцы осуществляли над ними «свободный (loose) политический контроль» [Choudhury, 1970, p. 262], который сводился к эпизодическим карательным экспедициям за убийство британских подданных на территории племен³.

Во многом сохранение неопределённого статуса Балипары и Садии было обусловлено обстоятельствами делимитации пограничной линии. Основное внимание участников трёхсторонней Симлской конференции 1913–1914 гг. было сосредоточено на определении статуса Тибета, в то время как индийско-тибетская граница стала лишь фрагментом красной линии, проведённой Макмагоном на карте для обозначения общих пределов тибетской территории. Конфигурацию этого участка общей тибетской границы Макмагон предварительно согласовал с полномочным представителем Тибета Лонченом Шатрой в двустороннем порядке. Итоги их переговоров были обозначены на карте, приложенной к дипломатическим нотам, которыми стороны обменялись 24–25 марта 1914 г. ([McMahon to the Lonchen Shatra, 1914], цит. по: [Lamb, 1966, Appendix XVI, p. 618–619]).

Китайскому полномочному представителю Ифаню Чену была представлена карта меньшего масштаба, отражавшая не только индийско-тибетскую границу, но и британские предложения по определению границ Тибета в других районах: помимо красной линии, отделявшей тибетские земли от китайских, на карте также обозначалась синяя граница, обособлявшая две зоны, которые Макмагон предлагал создать из тибетской территории, – внутренний Тибет и внешний [Convention, 1914, Article 9]. Именно на этой карте представители трёх стран, в том числе и Ифань Чен, поставили свои инициалы 27 апреля 1914 г.

Иными словами, китайская сторона могла ознакомиться с конфигурацией индийско-тибетской границы лишь в едином пакете с договорённостями о статусе Тибета и отдалённой от северо-восточных территорий индийского Ассама тибето-китайской границе. Тем самым, установление индийско-тибетской границы, или, как её стали называть десятилетия спустя, линии Макмагона, в определённой степени увязывалось с решением тибетского вопроса, который в силу отказа Китая подписать Симлскую конвенцию 3 июля 1914 г. оставался в подвешенном состоянии.

Свою лепту в сохранение подобной неопределённости внесла и разразившаяся Первая мировая война: сам Макмагон летом 1914 г. по долгу службы отбыл в Египет, а индийско-тибетская граница так и не была демаркирована на местности и не изображалась на картах Топографической службы Индии [Choudhury, 1970, p. 258, 265]. Вдобавок, британские представители на переговорах с Лонченом Шатрой прекрасно осознавали, что их предложения о границе на столь отдалённых горных территориях основываются лишь на информации, добытой в ходе британских экспедиций 1911–1912 гг. и явно недостаточной для точного территориального разграничения [Choudhury, 1970, p. 217]. Макмагон исходил из того, что в будущем, учитывая готовность тибетцев к сотрудничеству, конфигурацию отдельных участков границы можно будет уточнить на основе новых сведений ([McMahon's Memorandum, 28 March 1914], цит. по: [Lamb, 1966, p. 548]).

³ Более наглядное представление о рассматриваемом пространстве можно получить из карты-приложения к материалам лекции Роберта Рида на собрании Королевского географического общества Великобритании 7 февраля 1944 г. [Reid, 1944, p. 89].

Проблема окончательного урегулирования тибетского вопроса также откладывалась на послевоенное время. Первые лица британской колониальной администрации ожидали, что впоследствии смогут убедить Китай присоединиться к Симлской конвенции или заключить новое соглашение на её основе [Woodman, 1969, p. 190–191]. Несмотря на заключение в 1914 г. секретной англо-тибетской декларации, в которой Великобритания и Тибет признавали относящиеся к ним положения Симлской конвенции вступившими в силу, правительство Индии фактически сочло итоги трёхсторонних переговоров недействительными и утвердилось в мысли, что, пока не будет достигнуто новое соглашение по статусу Тибета и его границах, «какое-то время все должно оставаться по-прежнему» [TNA, Foreign Office 535/18, India to Bell, September 3, 1915].

Стремлением британцев считать дверь открытой для возможного присоединения к конвенции Китая, вероятно, объясняется и отсутствие индийско-тибетской границы на официальных английских картах вплоть до начала 1930-х гг. Ни красная, ни синяя линии не упоминались в короткой заметке о Симлской конференции в опубликованном в 1929 г. четырнадцатом томе Собрания договоров, соглашений и постановлений имени Ч. Эйтчисона [Aitchison, 1929, p. 20–21].

В 1920 г. в ответ на запрос министерства иностранных дел Великобритании о целесообразности публикации текстов Симлской конвенции и отдельной индо-тибетской декларации от 3 июля 1914 г. государственный секретарь по делам Индии Э. Монтегю отметил, что «до тех пор, пока остается хоть малейшая вероятность окончательного урегулирования тибетского вопроса путем переговоров с китайским правительством, лучше не придавать предварительным договорённостям 1914 г. ненужной огласки» [цит. по Mehra, 1974, p. 418]. Аналогичные рекомендации министерство по делам Индии высказывало в 1925 и 1928 гг. [Mahajan, 2018, p. 116].

Однако, хотя и британская, и китайская стороны предприняли ряд попыток продолжить переговоры по тибетскому вопросу с 1918 г. [Woodman, 1969, p. 190], на фоне масштабных дипломатических усилий по общему послевоенному урегулированию в мире и подготовки к Парижской, Вашингтонской и другим ключевым конференциям проблема Тибета отошла на второй план, а вместе с ней – и вопрос о закреплении отдельных британо-тибетских договорённостей о границе.

Кроме того, на двусторонних переговорах между Макмагоном и Лонченом Шатрой в 1914 г. формально были достигнуты стратегические цели британской дипломатии в отношении северо-восточного фронта: отныне у британских служащих появилось основание пресекать проникновение китайских агентов в племенные районы вокруг долины р. Брахмапутры, имевшие место в 1908–1911 гг. [Choudhury, 1970, p. 140–142], а театр военных действий в случае потенциального конфликта с Китаем на этих территориях отодвигался от Ассамской равнины далеко на север, на вершины Гималаев. С потерей китайцами фактического контроля над Тибетом к 1913 г., началом Первой мировой войны и обострением внутрисоциальных противоречий в китайском обществе, к 1927 г. вылившихся в настоящую гражданскую войну, Китай на время перестал восприниматься британцами как явная угроза северо-восточным рубежам Индии.

ПЕРЕОТКРЫТИЕ ЛИНИИ МАКМАГОНА В 1930-е ГОДЫ

К 1930-м годам британская власть на северо-восточном фронтире за некоторыми исключениями по-прежнему не распространялась на большинство районов дальше внутренней линии 1873 г. Административно-территориальный статус Балипары и Садии был лишь незначительно видоизменён: по Закону об управлении Индией 1935 г. эти территории

получили статус «исключённых районов» (excluded areas) и на их жителей не распространялись решения законодательного собрания провинции Ассам без особого распоряжения губернатора [Government of India Act, Chapter V, 1935].

Однако, несмотря на сохранение этих административных единиц, территориальные пределы британского контроля оставались размытыми. Даже в 1942 г. губернатор провинции Ассам Роберт Рид (1937–1942) отмечал: «За пределами управляемых районов пограничных участков Садия и Балипара <...> находится огромная территория, над которой мы осуществляем <...> лишь теневой контроль» [BLAAS, Reid Collection, MSS Eur E 278/4, 1942]. На большей части этих земель представители колониальной администрации не появлялись со времён пограничных экспедиций 1911–1912 гг. [Reid, 1942, p. 259–260, 294–296]. Кроме того, к 1930-м годам сменилось два поколения колониальных служащих: для новых представителей британской власти в Индии и на её рубежах Симлская конференция была не более чем историей.

Договорённости 1914 г. о индийско-тибетской границе, возможно, так и растворились бы в забвении для британской колониальной администрации, если бы не воля случая. В 1935 г. власти Тибета возвратили в Индию английского ботаника и землепроходца Ф. Кингдона-Уорда, который через район Таванга проник из Ассама на тибетскую территорию, не получив для этого предварительного разрешения Лхасы. Британский торговый представитель в Лхасе в отчётах описывал этот инцидент так: «Тибетское правительство утверждает, что Кингдон-Уорд зашел далеко за красную линию..., что красная линия не была изменена и <...> что отныне Кингдон-Уорд не сможет получить разрешение на посещение Тибета. Теперь [после высылки Кингдона-Уорда в Индию] тибетское правительство намерено считать инцидент исчерпанным» [BLAAS, IOR, PD, Collection 36/File 29, Telegraph No. 5, From Trade Agent to Foreign Office, 14 November 1935].

Исчерпанный инцидент, однако, вызвал большой интерес в Дели и привлек внимание Олафа Кэроу, незадолго до этого занявшего пост заместителя министра иностранных дел правительства Индии (1935–1939). На его вопрос о том, где именно проходит индийско-тибетская граница, правительство Ассама и британский политический представитель в Сиккиме Ф. Уильямсон ответили, что ничего не знают о линии 1914 г. [Guyot-Réchard, 2017, p. 59]. Уильямсон утверждал, что в Ассаме международная граница проходит по подножиям холмов и фактически совпадает с границей управляемых районов провинции [BLAAS, IOR, PD, Political and Secret Collection, No. 2785/36, , April 9, 1936], то есть с внутренней линией 1873 г.

Из тибетского инцидента с Кингдоном-Уордом Олаф Кэроу сделал парадоксальный вывод: границы Британской Индии простираются гораздо дальше, чем полагают колониальные служащие на местах, и правительство соседнего Тибета официально признает линию 1914 г. в качестве законной границы между своей территорией и индийским Ассамом [BLAAS, IOR, PD, Political and Secret Collection, No. 2785/36, , April 9, 1936]. В апреле 1936 г. Олаф Кэроу в письме помощнику заместителя государственного секретаря по делам Индии Джону Уолтону отмечал: «Северо-восточная граница обычно не фигурирует в наших записях, и только с большим трудом и почти случайно нам удалось выяснить её истинное положение... Из дела Кингдона-Уорда мы ненароком узнали, что линия Макмагона, по которой проходит граница в этом регионе, хорошо известна тибетскому правительству и до сих пор полностью им признается» [BLAAS, IOR, PD, Political and Secret Collection, No. 2785/36, , April 9, 1936].

В феврале того же года Олаф Кэроу обратился к главному секретарю правительства провинции Ассам Дж. Доусону с поручением выяснить, была ли установлена какая-либо мера политического контроля вплоть до этой линии с британской стороны и соблюдало ли

тибетское правительство договорённости о границе прежде, в частности, действительно ли тибетские власти все эти годы воздерживались от сбора налогов за линией границы, т. е. на индийской территории, особенно в районе Таванга [BLAAS, IOR, PD, Political and Secret Collection 36/File 12, , February 6, 1936].

Район Таванга на северо-западе Балипары заметно выделялся среди других территорий северо-восточного фронта: центром духовной жизни и главной политической силой здесь выступал Тавангский монастырь, который распространял среди племенного населения буддистские идеи и формально подчинялся духовенству Лхасы. В ходе переговоров Макмагона с Лонченом Шатрой в 1913–1914 гг. принадлежность этого района, лежащего у восточных границ Бутана, вызвала наибольшие споры [Choudhury, 1970, p. 199–201]. Но в итоге тибетская сторона пошла на уступки, и, по договорёностям в Симле, Таванг оставался на индийской территории и переходил под британский контроль при условии, что частная собственность тибетцев на этой территории, в том числе и монастырь, будет сохранена ([McMahon to the Lonchen Shatra, 24 March 1914], цит. по [Lamb, 1966, Appendix XVI, p. 618–619]).

Определённое воздействие на переход колониальной администрации к новому курсу оказала публикация в 1935–1936 гг. китайской газетой «Шэнь Бао» в Шанхае третьего издания атласа, отражавшего официальную позицию правительства Гоминьдана по границам Китая. В нем племенные районы вокруг Ассамской равнины, т.е. территории между внутренней линией 1873 г. и индийско-тибетской границей 1914 г. (линией Макмагона), а также области северной Бирмы изображались как часть китайской провинции Сикан [Shen Pao Atlas, 1935].

Хотя на картах 1935–1936 гг. притязания Китая не распространялись на Таванг, правительство Индии предостерегало, что если ничего не предпринять, то в будущем Китай станет претендовать и на Таванг, и даже на Бутан и Сикким [TNA, Foreign Office, No. 371, 1936]. В результате широкой дискуссии между представителями разных уровней британской колониальной администрации «правительство его Величества предоставило свое согласие на публикацию Конвенции 1914 г. и связанных с ней соглашений (при условии избегания ненужной огласки!) и на отражение установленной в них границы на картах Топографической службы Индии» [TNA, Foreign Office, No. 371, , August 17, 1936].

Однако правительство Индии сомневалось, что новых карт с исправленной линией границы будет достаточно, чтобы «исправить ложные впечатления, которые уже успели укорениться» [TNA, Foreign Office, No. 371, August 17, 1936]. В этих обстоятельствах возникла идея о том, чтобы внести изменения постфактум в уже имеющиеся официальные материалы по северо-восточным границам Индии, тем более учитывая, что последнее издание Собрания договоров, соглашений и постановлений имени Ч. Эйтчисона было опубликовано в 1929–1933 гг., а выпуск нового издания планировался только через пятнадцать-двадцать лет [Mahajan, 2018, p. 118].

В 1938 г. четырнадцатый том Собрания договоров Эйтчисона, опубликованный в 1929 г., на полках библиотек и архивов был заменён на новое издание [Gupta, 1974, p. 78–81]: дата выпуска осталась прежней – 1929 г., но в свежей редакции появилось довольно подробное описание границы, о которой Индия и Тибет договорились в 1914 г. [Aitchison, 1938, p. 20–21]. Еще через год была опубликована новая карта Индии, где северо-восточная граница впервые проходила по линии Макмагона [Mahajan, 2018, p. 118].

Вместе с тем в среде колониальной администрации крепла мысль о том, чтобы утвердить свою власть на территориях между внутренней линией на подножиях холмов и индийско-тибетской границей 1914 г. не только на картах и в сборниках официальных документов Британской империи, но и «на земле», претворить линию Макмагона, пре-

жде существующую лишь на бумаге, в действительность и довести до неё эффективный контроль Британской Индии.

ПОПЫТКА ВЫСТРОИТЬ ЛИНИЮ МАКМАГОНА «НА ЗЕМЛЕ»

В 1936–1937 гг. колониальные служащие стали активно собирать информацию о современном положении дел на местах в Балипаре, уделяя особое внимание Тавангу, и готовиться к скорому отправлению в этот район ознакомительной экспедиции для дальнейшего утверждения британской власти на отдалённых территориях фронта [Reid, 1942, p. 295]. Так, в апреле 1936 г. для уточнения индийско-бутанской границы район Таванга впервые посетил британский политический представитель в Балипаре капитан Г. Лайтфут, попутно составивший отчёт об организации жизни на этих территориях. Новый курс не обошел стороной и Садю: в 1936 г. для возобновления контактов и проверки оставленных четверть века назад коммуникаций британские служащие впервые с 1913 г. побывали в удалённых районах проживания племени аборов, а год спустя – в землях мишми [Reid, 1983, p. 259–260].

В сентябре 1936 г. эти усилия дополнил дипломатический зондаж позиции Тибета со стороны британского политического представителя в Сиккиме Бэзила Гоулда, который, находясь с визитом в Лхасе, на переговорах с представителями тибетского Кашага среди прочего затронул вопрос принадлежности Таванга. Ему ответили, что, во-первых, до 1914 г. Таванг без сомнений был тибетской территорией; во-вторых, Тибет рассматривает уточнение тибетско-индийской границы как неотъемлемую часть общего определения границ по Конвенции 1914 г., и если бы британцы помогли тибетской стороне установить границу с Китаем, то Тибет с удовольствием соблюдал договорённости 1914 г. о границе с Индией [BLAAS, IOR, PD, Collection 36/File 29, No. 3850/1936]. В-третьих, Лхаса рассматривает решение Великобритании и правительства Индии не ставить под сомнение тибетскую и не утверждать свою власть в районе Таванга с 1914 г. как проявление британской благосклонности к Тибету [BLAAS, IOR, PD, Collection 36/File 29, No. 3850/1936].

Учитывая особое восприятие тавангского вопроса в Тибете и его увязывание с вопросом общетибетского пограничного урегулирования, накануне британской экспедиции в Таванг Гоулд настоятельно рекомендовал правительству Индии проявлять предельную осторожность: с одной стороны, не дать Лхасе повод усомниться в том, что индийско-тибетская граница в 1914 г. была определена окончательно, а с другой стороны, в ходе экспедиции вести себя так, «чтобы вызвать наименьший шок у восприимчивых тибетцев», ведь само «появление в Таванге [колониальных служащих] с конвоем уже будет достаточным подтверждением британской власти над этим районом» [BLAAS, IOR, PD, Collection 363/File 29, Telegram XX No. 205, 12 December, 1936].

В январе 1938 г. правительство Индии, принимая во внимание направленные годом ранее предложения губернатора Ассама, постановило сформировать на территориях Балипары и Садии к северу от внутренней линии так называемую зону контроля. Одной из задач, поставленных перед готовящейся экспедицией под командованием капитана Лайтфута, стало определение предпочтительных границ для такой зоны [Reid, 1942, p. 297].

Экспедиция прибыла в Таванг 30 апреля 1938 г. и сразу же застала тибетских служащих за сбором налогов с населения [Reid, 1942, p. 295–296]. Капитан Лайтфут подробно описывал притеснения в отношении местных жителей со стороны Тавангского монастыря и рекомендовал правительству Индии потребовать от Лхасы как можно скорее отозвать тибетских чиновников, иначе «престиж Индии неизбежно был бы подорван» [цит. по Woodman, 1969, p. 204].

Тибетское правительство, в свою очередь, стало добиваться вывода британской экспедиции с территории Таванга. К концу 1938 г. стало ясно: переговоры с Лхасой по тавангскому вопросу затягиваются: тибетская сторона заявляла, что им необходимо время на поиск оригиналов Симлской конвенции и индийско-тибетской декларации 1914 г., ознакомление с ними и принятие решения [BLAAS, IOR, PD, Collection 36/ File 29, Confidential letter No. 3 (5), 26 August 1938]. В 1950 г. бывший советник правительства Ассамы по вопросам племенных районов и княжеств (1942–1947) Джеймс Миллз объяснял тибетскую позицию в 1938 г. так: «Тибетцы не выпустили ни единой карты и, по сути, заявили, что не могут найти материалы Конвенции [1914 г.]. На самом деле они хотели сказать, что раз мы забыли о границе на двадцать девять лет, то могли бы не вспомнить о ней и в дальнейшем» [Mills, 1950].

В среде колониальной администрации не наблюдалось консенсуса в отношении дальнейших действий. 3 января 1939 г. губернатор Ассамы Роберт Рид в письме генерал-губернатору Индии лорду Линлитгоу обрисовал три альтернативы решения проблемы Таванга: самоустраниться от этого вопроса, несмотря на обещания Лайтфута местному населению годом ранее; постоянная оккупация Таванга с вытекающими расходами или ежегодные экспедиции на эти территории [BLAAS, IOR, PD, Collection 36/File 29, 3 January 1939]. Последние два варианта шли вразрез со стремлением правительства Индии избежать новых трат из бюджета на освоение отдалённых горных районов Индии в свете неспокойной обстановки в Европе [Gupta, 1974, p. 86].

Летом 1939 г. было решено отложить решение тавангского вопроса на год, а состоявшаяся в августе 1940 г. конференция британских колониальных служащих по северо-восточным границам Индии пришла к выводу, что правительство Индии не должно настаивать на своих претензиях на Таванг ценой дружественных отношений с Тибетом, целесообразнее было бы утвердить британскую власть районах рек Сианг и Лохит в Садии [BLAAS, IOR, PD, Collection 36/File 23, No. 5515/1940]. Тем самым, тавангский вопрос в 1930-е годы так и остался в подвешенном состоянии: представители колониальной администрации переключили свое внимание на другие участки индийско-тибетской границы.

С нападением Японии на Пёрл-Харбор в декабре 1941 г. Лондон, с 1937 г. оказывавший поддержку гоминьдановскому Китаю в борьбе с японским милитаризмом, вместе с Вашингтоном объявил Токио войну, а Бирма стала активно использоваться для поставок в охваченный войной Китай военных и гуманитарных грузов [Mehra, 1974, p. 36–37]. Однако в результате японского вторжения в Бирму в декабре 1941 г. антияпонская коалиция стала искать в Тибете альтернативные маршруты для поставок. Несмотря на вынужденное перед лицом давления со стороны Великобритании и США согласие Лхасы предоставить свою территорию для снабжения Китая, решение правительства Чан Кайши отправить геодезистов для строительства потенциальной дороги из провинции Сикан в Тибет через долину Лохит в Ассаме в 1941 г. вызвало резкую реакцию тибетских властей и породило подозрения к Гоминьдану среди колониальных служащих в Индии [Mahajan, 2018, p. 123–124]. Как позже отмечал Миллз, «Индии было необходимо каким-то образом удерживать субгималайский пояс, поскольку если бы Китай обосновался у пределов равнины, то удержать под контролем Ассам было бы невозможно, а Индия не могла себе позволить потерять Ассам, богатый углём, нефтью, чаем и древесиной» [Mills, 1950].

На фоне обострения в тибетско-китайских отношениях, падения Янгона в 1942 г. и продвижения японских войск к рубежам Индии британская администрация вновь остро ощутила необходимость контролировать ситуацию «на земле» на северо-востоке: для этого требовалось утвердить свой контроль над стратегически важными для потенциальной обороны горными хребтами, т.е. все же довести границы подконтрольных британской

власти территорий, насколько возможно, до линии Макмагона. Р. Рид позже отмечал: «Мы полагали, что тибетское правительство вскоре поймёт, что мы намерены распространить нашу власть вплоть до линии Макмагона и ни на шаг дальше» [Reid, 1942, p. 262].

Во-первых, с образованием в 1943 г. к востоку нового пограничного участка Тирап британская власть утверждалась в отдалённых районах Садии на границе с Бирмой. Во-вторых, с миссией Дж. Миллза в том же году вдоль индо-тибетской границы 1914 г. начала формироваться система опорных пунктов. В ходе поездки в пограничные районы в 1943 г. Миллз встретил близ тибетской Римы чиновника, который утверждал, что граница проходит по в нескольким милям южнее линии Макмагона 1914 г., застал тибетцев за сбором налогов с местного населения в долине р. Сианг, стал свидетелем жестоких наказаний местного населения со стороны монахов в районах близ Таванга [Mills, 1950]. По итогам экспедиции Миллза был учреждён военный пост с отрядами ассамских стрелков в Валонге, недалеко от границы с Римой, размещены новые силы в имеющемся британском военном форпосте в Таванге, восстановлены заброшенные с 1911–1913 гг. дороги и коммуникации [Reid, 1942, p. 264–265].

В 1944 г. стараниями политического представителя в долине Лохит Ф. Майнпрайса в районе Валонга границы подконтрольных британской власти территорий удалось довести вплоть до четырёх деревень у самой линии Макмагона, которые годами продолжали платить налоги властям Римы. Позже Майнпрайс писал: «Эти территории игнорировались ... в течение последних тридцати лет, и если не заявить права на них сейчас, даже если мы не сможем установить реальную границу в полном соответствии с линией Макмагона в этом районе, то через год-два это лишь подкрепит доводы местного дзонгпена в пользу сохранения статус-кво» [Reid, 1942, p. 261].

Отдельные участки индийско-тибетской границы 1914 г. закреплялись личными усилиями некоторых британских служащих. Так, британский представитель в Пасигхате Р. Годфри еще в 1939–1940-х годах пытался утвердить свой контроль над долиной р. Сианг и её притока р. Сийом к западу от Валонга, а долину р. Субансири в марте-мае 1944 г. исследовали специальный британский представитель в этом районе Кристоф фон Фюрер-Хаймендорф и его супруга. По завершении их миссии на землях р. Субансири был создан новый административный район, во главе которого встал капитан Ф. Беттс [Woodman, 1969, p. 210–212]. Однако с окончанием Второй мировой войны в 1945 г. и подъемом национально-освободительного движения в Индии проблема утверждения контроля над индийско-тибетской пограничной линией 1914 г. отошла на второй план.

ВЫВОДЫ

В 1930–1940-х гг. проблема линии Макмагона не только вновь оказалась в центре внимания колониальной администрации, но и обрела качественно новый вид – после продолжительного периода забвения Симлских договорённостей в британской среде. В правительстве Индии впервые за два десятилетия её стали рассматривать как официальную международную границу, до которой требовалось как можно скорее довести британский контроль, прежде выходявший за пределы подножий холмов лишь в некоторых районах.

В политической риторике британских властей 1930–1940-х гг. проблема установления индийско-тибетской границы, замыкавшей бы пространство индийского северо-восточного фронта и отделявшей бы его от иных государств в Гималаях, увязывалась как с решением тибетского вопроса, так и со стремлением заблаговременно консолидировать регион под британским контролем на случай потенциального конфликта с Китаем после окончания

Второй мировой войны. Такое восприятие линии Макмагона предопределило выработку дифференцированного подхода колониальной администрации к утверждению её власти на разных участках пограничья: если в отношении территорий на востоке Садии британские представители проявили непреклонность, то в случае с районами вокруг Тавангского монастыря не стали форсировать события, отложив поиски решения этого вопроса на послевоенное время.

Несмотря на многочисленные попытки создать систему опорных аванпостов и поставить под контроль отдельные районы вдоль индийско-тибетской границы в конце 1930–1940-х гг., к 1945 г. выстроить единый и непрерывный рубеж «на земле» так и не удалось. В 1947 г. линия Макмагона в виде лоскутного одеяла из разрозненных территорий управляемых и неподконтрольных участков досталась в наследство независимой Индии.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

BLAAS – British Library: Asian and African Studies (Британская библиотека: азиатские и африканские исследования)

IOR – India Office Records (Материалы Министерства по делам Индии)

PD – Political Department (Политический департамент Министерства по делам Индии)

TNA – the National Archives of the UK (Национальный архив Великобритании)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Берлин Л. Англия и Тибет. *Новый Восток*. 1926. № 2. С. 355–366 [Berlin L. England and Tibet. *Novy Vostok* (= *The New East*). 1926. No. 2. Pp. 355–366 (in Russian)].

Богословский В.А., Москалев А.А. *Национальный вопрос в Куме (1911–1949)*. М.: Наука, 1984 [Bogoslavsky V.A., Moskalov A.A. *The National Question in China (1911–1949)*. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

Кузьмин С.Л. *Скрытый Тибет. История независимости и оккупации*. СПб.: изд. А. Терентьева, 2010 [Kuzmin S.L. *Hidden Tibet. History of Independence and Occupation*. Saint Petersburg: Izd. A. Terentyeva, 2010 (in Russian)].

Леонтьев В.П. *Иностранная оккупация в Тибете, 1888–1919*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956 [Leontyev V.P. *Foreign Occupation in Tibet, 1888–1919*. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1956 (in Russian)].

Решетов А.М., Яковлев А.Г. К вопросу социально-экономических отношений у тибетцев в первой половине XX в. *Социальная история народов Азии*. М.: Наука, 1976. С. 198–216 [Reshetov A.M., Yakovlev A.G. On the Issue of Socioeconomic Relations among Tibetans in the First Half of the 20th Century. *Social History of the Peoples of Asia*. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 198–216 (in Russian)].

Aitchison C.U. *A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighbouring Countries*. 5th ed. (1929–1933). Calcutta: Government of India, 1929. Vol. 14.

Aitchison C.U. *A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighbouring Countries*. 5th ed. (1929–1933). Calcutta: Government of India, 1938. Vol. 14.

Anderson M. *Frontiers: Territory and State Formation in the Modern World*. Cambridge: Polity, 1996.

BLAAS, IOR, PD, Collection 36/ File 29, *Confidential letter* No. 3(5), L/37, Lhasa, 26 August 1938.

BLAAS, IOR, PD, Collection 36/File 23. No. 5515/1940.

BLAAS, IOR, PD, Collection 36/File 29, *Reid's Confidential letter to Linlithgow*, 3 January 1939.

BLAAS, IOR, PD, Collection 36/File 29, *Telegraph* No. 5, *From Trade Agent, Lhasa to Foreign Office*. New Delhi, 14 November 1935.

BLAAS, IOR, PD, Collection 36/File 29. No. 3850/1936.

BLAAS, IOR, PD, Collection 363/ File 29, *Telegram* XX No. 205, Lhasa, 12 December, 1936.

BLAAS, IOR, PD, Political and Secret Collection. 36/File 12, *Caroe to Dawson*, February 6, 1936.

BLAAS, IOR, PD, Political and Secret Collection. No. 2785/36, *Caroe to Walton*, April 9, 1936.

- BLAAS, Reid Collection, MSS Eur E 278/4. *A Note on the Future of the Present Excluded, Partially Excluded and Tribal Areas of Assam*. Calcutta, 1942.
- Boulding K.E. *Conflict and Defense: A General Theory*. New York: Harper Torchbooks, 1963.
- Buzan B., Lawson G. *The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Caroe O. The Sino-Indian Frontier Dispute. *Asian Review*. Vol. LIX. No. 78 (218). April 1963. Pp. 67–81.
- Choudhury Deba Prosad. *British Policy on the North-East Frontier of India, 1865–1914*. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. University of London, 1970.
- Convention Between Great Britain, China, and Tibet (Simla Convention)*. 1914. <https://www.tibetjustice.org/materials/treaties/treaties16.html> (accessed: 02.05.2025).
- Government of India Act, 1919*. Rules Thereunder & Government Reports, 1920. Calcutta: N.N. Mitter Annual Register Office, 1921.
- Government of India Act, 1935*. Government of India Press, 1935. Chapter V. Excluded Areas and Partially Excluded Areas. Art. 91–92.
- Gupta K. *The Hidden History of the Sino-Indian Frontier*. Calcutta: Minerva Publications, 1974.
- Guyot-Réchar B. *Shadow States: India, China and the Himalayas, 1910–1962*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Historical Sociology of International Relations*. Eds: S. Hobden, J. Hobson. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Hobden S. *International Relations and Historical Sociology: Breaking Down Boundaries*. London: Routledge, 1998.
- Lamb A. *The McMahon Line: A Study in the Relations Between India, China and Tibet, 1904 to 1914*. London: Routledge & Kegan Paul; Toronto: University of Toronto Press, 1966. Vol. 2.
- Lefebvre H. *The Production of Space*. D. Nicholson-Smith (tr.) Cambridge: Blackwell, 1991.
- Mackenzie A. *History of the relations of the Government with the Hill Tribes of the North-East Frontier of Bengal*. Calcutta, 1884.
- Mahajan S. *Foreign Policy of Colonial India, 1900–1947*. London and New York: Routledge; Taylor and Francis, 2018.
- Mehra P. *The McMahon Line and After*. Madras: The MacMillan ISSD Press, 1974.
- Mills J.P. Problems of the Assam-Tibet Frontier. *Journal of the Royal Central Asian Society*. 1950. Vol. XXXVII. No. II. Pp. 152–161.
- O'Thuatail G. *Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space*. Minneapolis, MN, 1996.
- Prescott J.R.V. *Political Frontiers and Boundaries*. Chicago: Aldine Publishing Company, 1987.
- Reid R. *History of Frontier Areas Bordering on Assam*. Shillong: The Assam Government Press, 1942.
- Reid R. The Excluded Areas of Assam. Evening Meeting of the Royal Geographic Society, 7 February 1944. *Geographical Journal*. January–February 1944. Pp. 18–29, 89.
- Shen Pao Atlas*. Map. 3rd ed. Shanghai, 1935. No. 2. Map No. 29, 30.
- TNA, Foreign Office, Political Departments: *General Correspondence*. No. 371. the Government of India to India Office. August 17, 1936.
- TNA, Foreign Office, Political Departments: *General Correspondence*. No. 535/18, India to Bell, September 3, 1915.
- Woodman D. *Himalayan Frontiers: A Political Review of British, Chinese, Indian and Russian Rivalries*. London: Barrie and Rockliff: the Cresset Press, 1969.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САВИЩЕВА Мария Дмитриевна – младший научный сотрудник Центра Индоокеанского региона ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, Москва, Россия; аспирант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Mariia D. SAVISHCHEVA, Junior Research Fellow, Center of the Indo-Pacific Region, IMEMO RAS, Moscow, Russia; PhD Student, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.